

Владимир Мищенко

Предисловие к послезитию

16+

Владимир Мищенко

Предисловие к послежитию

«Автор»

2014

Мищенко В.

Предисловие к послежитию / В. Мищенко — «Автор», 2014

Право выбора дано каждому человеку. Шанс на спасение даётся даже закоренелому преступнику. Что ждёт нас после смерти и сможем ли мы увидеть там Адама и Еву? Ответы на эти вопросы можно найти в этом рассказе.

© Мищенко В., 2014

© Автор, 2014

Владимир Мищенко

Предисловие к послежитию

Предисловие к послежитию.

Он висел здесь уже со вчерашнего вечера, а, если точнее, с двадцати часов пятнадцати минут, когда эки, съев свою вечернюю баланду, притащили гроб с телом в небольшую клетушку молельной комнаты крохотной церквушки при их колонии строгого режима. Следом за ними, всё ещё боясь осознать произошедшее, приплёлся и он. Здесь же он и завис. Высоко. Под самым куполом, разукрашенным ликами каких-то людей и ангелов. Раньше он был здесь несколько раз, глядел вверх, но как-то ему и в голову не приходило поинтересоваться, что это за мужики. Впрочем, одного он узнал – это был лик Иисуса Христа, ради которого, он, собственно, сюда и приходил. Но когда это было? В прошлой жизни? И от этой мысли страх, замешанный на ужасе, шаровой молнией пронзил всё его тело. Тело? Какое тело? Вот оно тело. Тело, лежащее внизу, в этом убогом, грубо сколоченном гробу, с разmozжённoй головой и, посему, прикрытой тряпкой. Тело!? Как оно лежало, так и лежит, а вот то, что осталось от тела или, точнее, без тела, трепыхалось и билось, как птица, пойманная исподтишка коварной кошкой. И эти ужасные когти рвали с мясом то, чего уже не было. И он с таким же ужасом и несбыточной надеждой взирал по сторонам и вниз, пытаясь представить, что всё это ошибка, розыгрыш корешей по камере, и всё это сейчас закончится. Но час сменялся часом, и ничего не происходило. Он уже успел немного упокоиться, чуть-чуть свыкнуться, но полностью осознать ЭТО, он был не в состоянии.

Он даже вспомнил. Нет, не всю жизнь, а только то, как он, став бандитом-гопником, очищал, потрошил квартиры, пытал лохов, доверчиво открывших им двери, и не желающих отдать им деньги и драгоценности, старух, со слезами на глазах умолявших не забирать пенсию. Но что значил весь этот мусор, по сравнению с ними. Один раз живём и прожить надо так, чтобы было потом что вспомнить. Так они и жили, так жил и он. Потом было ранение в ногу, из-за которого он не смог убежать при задержании. Суд. Этап. Амурская область. Магдагачи. Тыгда. Колония строгого режима. Ещё дальше – Белогорск, Благовещенск. Хорошо хоть не пикулевская каторга на Сахалине, но всё равно приятного мало. Камера. Как там – “*Tugre senex miles*” – жалкое зрелище – старый солдат. Но солдат здесь не было. Здесь были старые умирающие волки и молодые шакалы, острозубые гиены, подбирающие не только падаль, но и ослабевших волков. “*Alea jacta est*” – жребий был брошен, и он выбрал банду. Он хотел стать археологом, начал изучать латынь, чтобы найти свою Трою, но... . Каждый делает выбор сам, и отвечает за свой выбор. Камера. Карцер. Камера. Он был молодым волком, но таких, как он, здесь было много и ему приходилось показывать свои зубы, чтобы удержать свой статус.

Однажды, после очередного пребывания в карцере, он почувствовал какую-то вонь, смрад. Нет, это не был привычный запах потливого мужского тела сокамерников. Это был смрад разложения. Он понял, что это разлагаются их души. Люди, ещё носившие телесную оболочку, гнили и разлагались душою. Он смотрел на них каким-то внутренним взором и не видел людей. Он видел зомби. Он отчётливо ощутил и свою гниющую душу, больше, чем на половину, покрытую чёрной плесенью. Ему стало страшно. Его мозг не мог и не хотел осознавать это. Его сознание вошло в какой-то ступор. Примерно через полчаса его отпустило, но осознание того, что свершилось что-то непоправимое, не оставляло. Он стал ввязываться в драки по поводу и без. И только в карцере он чувствовал себя более-менее спокойно. Однажды, сидя очередной раз в карцере, он попросил принести ему Библию. На следующий день к нему в камеру вошел священнослужитель, который дважды в неделю проводил службу в церкви

при колонии. Загремел засов, отворилась дверь. Священник вошёл, молча, положил тоненькую брошюру на угол умывальника и только после этого тихо спросил

– Поговорить хочешь? Исповедаться? – и, не услышав ответа, кивнул головой и вышел. Заскрипела и грохнула дверь. Загромыхал засов. Он сделал два шага и взял в руки то, что он попросил, не желая того, интуитивно. Он даже и сейчас не понимал, зачем ему эта книжонка, на голубой обложке которой, золотыми буквами было написано “Новый Завет и Псалтирь”. Пролистнув пару листов, он шёпотом прочитал

– “Святое Благовествование от Матфея. 1. Родословная Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова. 2. Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова, Иаков родил Иуду и братьев его.” Тыфу. Что за мерзость? Мужик родил мужика. Бред какой-то. Они там гомосеки что ли? Как мужик может родить?! Для этого есть баба, Богом предназначенная и Богом устроенная для этого. Чушь какая-то. – И с чувством, что его опять обманули, так дешёво, как лоха, провели, он швырнул её в дальний угол. Он хотел, если не узнать правду, то, хотя бы получить хоть какую-то подсказку, а тут.... . Внутри его что-то бурлило и не давало сидеть на месте. Четыре шага туда, четыре – обратно. В какой-то момент он осознал себя не волком, суетливо бегающим по клетке, а тигром, не суетливо шагающим вдоль решётки. Тигр способен разломать любые прутья, если захочет. И он тоже может это сделать, если захочет. А он хочет, потому что он теперь не волк, он – тигр. Он подошёл и поднял брошюру. Если эта книга оказалась у него, значит, он должен её прочитать. *Volentem fata ducunt, nolentem trahunt* – желающего судьба ведёт, нежелающего тащит. Он вновь открыл Завет, нашёл место, на котором прервался, и начал тупо читать. Но едва он перешёл к третьей главе, как понял, что Господь специально начал свой Завет с этой первой маразматической, на первый взгляд, главы, чтобы отсечь таких как он. Таких, как он был. Истина начала открываться после. Чтобы добыть грамм золота надо просеять тонну грунта, и то, при условии, что знаешь, где копать и промывать. На следующий день его вернули в камеру, но за обедом он вновь устроил драку и вернулся туда, где он мог читать и ему никто не мешал. Он взахлёб прочитал Завет и начал читать Псалтирь, но здесь он “спёкся” и заснул, свернувшись клубочком. Проснулся он успокоенный в душе, будто нашёл то, что давно потерял. Он чувствовал, что внутри него что-то происходит, но это было что-то хорошее, успокаивающее, умиротворяющее, непривычно доброе. Он частенько садился позэксовски, на корточки, прислонившись головой к стене, закрыв глаза, и думал. Иногда он ловил себя на том, что вообще ни о чём не думает, но при этом он явно чувствовал, что внутри него идёт какая-то огромная, неподъёмная для него работа, и он отдавался этой работе безотчётно и полностью полагаясь на что-то или кого-то.

– “К Тебе, Господи, взываю: твердыня моя! Не будь безмолвен для меня, чтобы при безмолвии Твоём, я не уподобился нисходящему в могилу. Услышь голос молений моих, когда я взываю к Тебе, когда поднимаю руки мои к святому храму Твоему.” Так это же про меня! Я, со своей умирающей, смердящей душой, взываю к Тебе. Господи! Прости меня! Только сейчас я осознал, как грешен пред тобою! Прости! Я знаю, что за грехи свои, за кровь, пролитую мною, я не достоин прощения, но я прошу тебя – прости меня, Господи. Ты из-за меня, сукиного сына, пришел сюда, натерпелся, а мы – засранцы так ничего и не поняли, продолжаем куралесить, пытаться и убивать себе подобных. Господи, не ведал, что творю. Оп... . Ведал. Ещё как ведал. Поэтому и на прощение Твоё не надеюсь. Одного прошу – воздай мне по делам моим. Не достоин я жить на земле, после того, что натворил здесь. Каюсь, Господи, в грехах моих. Прости. Прости, если сможешь, хотя и понимаю, что нет мне прощения. Не искупить мне грехов моих. Не вернуть детям убитых мною родителей. Прошедшее не вернуть. “Он разрушит их и не созиждет их”. – Прочитал он первую попавшуюся строчку в этом же 27 Псалме. – Да. Это наша участь. Меня и всех тех, кто сидит в СИЗО, колониях, тюрьмах от Бреста и до Сахалина. Он разрушит нас за грехи наши и не созиждет вновь. А что ты хотел? Жребий брошен, Рубикон перейдён... . *Ab altero exspectes alteri quod feceris* – жди от другого то, что ты сам ему

сделал. Короче, dixi – всё сказано и добавить больше нечего. “Но я верую, что увижу благодать Господа на земле живых. Надейся на Господа, мужайся, и да укрепится сердце твоё, и надейся на Господа.” Не понял, что это?! Глас Божий? Не созиждешь вновь или мужайся и надейся? Что, Господи?! Уничтожишь, но, если уверовать, то и надеяться можно? А как же те люди, которых я замучил? Этот грех на мне, он гнетёт и убивает меня. Я давно уже покончил бы с собою, но теперь я знаю, что и это не моей власти. Гной моей гордыни преполнил чашу, и я сам должен испытать её до последней капли. Так и только так, и никак иначе. Позднее раскаяние? Ха, мать Тереза. Но та в восемнадцать приехала монашкой в Индию людей спасать, а ты в шестнадцать уже первого ножом в брюхо ткнул. Мужайся! Тьфу. Наделал делов, так сдохни хоть не трусом. Что же ты, скотина, за чужую спину норовишь спрятаться. “К Тебе, Господи, возношу душу мою.” Да. И здесь правильно – к Тебе возношу душу мою. Суди меня. Накажи меня. Я виновен и осознаю это, и не прошу пощады. Убитых не вернёшь. Теперь я понял, что, допуская убийство невинных, Ты не проявлял слабость, а давал выбор мне, забирая к Себе мои жертвы. Но я не слышал Тебя. Я не хотел слышать Тебя. Прости. – Он не понимал себя. Он – крутой мужик, бандит-рецидивист, не раз и не два топтавший зону, плакал! Но он чувствовал, что с этими слезами из него выходило что-то гадкое, непотребное. Он чувствовал очищение, и ему не было стыдно своих слез. Он видел, как через глазок камеры смотрит на него, если не такой же, то почти такой же, каким он был всего пять минут назад, потому как за деньги они приносят и наркотики, и телефон дадут, и маляву переправят. Наплевать. Теперь ему всё равно. Он нашёл то, что искал. Хотя... Будь честен, не ты Его искал, а Он уже давно ищет тебя, стучит тебе, а ты только теперь услышал Его. Я нарушил Твой Закон, но Ты всё равно искал и ждал меня, как того блудного сына. Я нарушал законы моей страны, нарушал обычаи и правила, но теперь я понял, что то были не законы, так как сама Жизнь есть Закон. А Уголовный Кодекс, обычаи, ради соблюдения которых на Кавказе и зарезать могут, – это не Закон. Это просто главы, примечания, сноски в Законе. Но не Закон. Жизнь есть Закон. Всё, что может нанести ущерб или вред жизни, нарушает Закон. Если ты живёшь по принципу – украл, выпил, в тюрьму, то ты разрушаешь жизнь своего ребенка, ты нарушаешь Закон. Если ты гуляешь от своей жены, а она, тихо плача, угасает – ты нарушаешь Закон. И нет тебе прощения. Господь разрушит тебя и не созиждет вновь. Эх, эти мысли да лет десять назад. А услышал бы я их тогда, погрязший в водке и бабах? Чувь, конечно, нет. “*Malum nessesarium*” – необходимое зло? Может. Ведь не зря же говорили древние “*tempora mutantur et nos mutamur in illis*” – времена меняются, и мы меняемся в них. А что там сказал Господь? – он начал быстро листать Евангелие – Вот. “Ещё, отойдя в другой раз, молился, говоря: Отче Мой! Если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить её, да будет воля Твоя!”. Да, Господи, да будет воля Твоя, но не моя. – Физически измождённый, как биатлонист на финише, он лёг на холодный бетонный пол и лежал, не способный пошевелить и пальцем.

Через двое суток его перевели в свою камеру. Там уже знали, что у него в карцере “поехала крыша”, но его авторитет в криминальной среде был достаточно высок, чтобы его продолжали уважать и бояться. Тем более он был тихо помешанный, не бузил, в драку не лез, больше беспричинно не ломал рук и челюстей. Его оставили в покое. Воры в законе, пытавшиеся поговорить с ним, глядели ему в глаза, и, не выдержав взгляда, отводили взор, говоря, чтобы он шел с Богом. О, люди! Он и был с Богом. Он был в Боге, и Бог был в нём. Обретение Бога они спутали с умалишённостью, не зная и не понимая того, что умалишённый перестаёт быть личностью и тогда его покидает Дух Божий, обитающий в каждом из нас. А он был личностью. Его характер, воля и всё остальное, что формирует личность, росли и укреплялись. Укреплялись в Боге.

Через неделю его послали на заготовку дров для бани начальника колонии. Двое зеков пилили дрова, а он относил их к бане и складывал в поленницу. У проходящего мимо солдата-истопника стрельнули закурить. От своей сигаретки он отказался, чем наварлся на пре-

зрительную ухмылку корешей. После второй затяжки они услышали скрип и что-то типа – ни хрена себе. Это было последнее, что они услышали на этом свете. Бревенчатая сторожевая вышка вместе с караульным упала прямо на них. Вот так, ни с того, ни с чего. Ему размозжило голову, и он умер быстро. Вместе с ним погибли и эти двое, у которых на вечер уже был подготовлен побег.

Теперь он висел под куполом, под ликом Того, к кому шёл так долго. Резко очерченное лицо, суровый взгляд сильно отличали этого Иисуса от тех, которых ему приходилось видеть в других церквях. Здесь был лидер, в котором была видна воля, власть. За таким хотелось идти. На него можно было надеяться и верить. На тех иконах, что они брали у коллекционеров, на ликах были нарисованы какие-то люди, с жалобным взглядом, которых хотелось пожалеть. Бабка-богомолка тоже может много и хорошо сказать, но за ней не пойдут, потому что её хочется пожалеть, чем-то помочь. Этот же Иисус был полностью наоборот. И только такой смог изменить историю.

Прошло три дня с момента его гибели. Приходил священник с кадилом. Его отпели и похоронили. Но ничего не происходило. Его не забрали в ад, но не забрали и в Рай. Он завис. Он опять завис. Неужели теперь всю жизнь, всю вечность так и провести между небом и землёй в образе призрака? Господи, уничтожь меня и не созижди вновь. Господи, к святому Имени Твоему взываю я! Услышь меня, Господи! Ведь написано, кто воззовет к Имени Моему, не оставлю во век. Ха. Век свой я уже отжил. Всё честно. Без претензий. Вот только мне что делать? Как жить?

– Кто ты? Я тебя плохо вижу. Ты призрак, как и я?

– Нет, я не призрак. Я серафим. Я твой ангел-хранитель. Скажем так, твой в том числе. Таких как ты у меня достаточно много. Твоя судьба решается, и до вынесения решения по тебе, я и, называй его промежуточное существо, будем беспокоиться, и заботится о тебе. Он появится чуть позже. Сразу скажу, чтобы успокоить – в ближайшее время ты заснёшь. Да – заснёшь. Сколько ты будешь спать, я не знаю. Но я тебя разбужу, когда наступит твой судный день.

– И как часто они у вас бывают? На что хоть надеяться можно?

– Ты же читал – при втором пришествии Иисуса Христа, которого мы называем Сыном Создателем Михаилом, потому что Он создал эту вселенную, и Он является Владыкой этой Вселенной и нашим Богом, правя здесь по воле Всеобщего Отца на правах Единородного Сына. До этого воскрешение было, когда Михаил, в теле смертного Иисуса, прошёл последнее седьмое посвящение, умер и воскрес из мёртвых. Тогда же Он забрал с собою и много душ. А так, обычно раз в тысячу лет. Но когда именно, сказать не могу. Жди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.